УДК 272
https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-54-34-53
EDN GDBRLM
Научная статья / Original article

А. В. Макарова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация

Мученичество как отказ от личного подвига: Г. П. Федотов в дискуссии о церковной политике митрополита Сергия (Страгородского)*

Аннотация. В статье предпринимается попытка реконструировать эволюцию взглядов Г. П. Федотова на феномен мученичества в контексте дискуссий 1928–1931 гг. в эмигрантской прессе об оценке церковной политики Патриарха Тихона (Беллавина) и митр. Сергия (Страгородского). Рассматривается полемика Г. П. Федотова и его основных оппонентов — И. А. Лаговского и М. А. Каллаш (М. Курдюмов) — в журналах «Путь» и «Вестник РСХД» за 1930–1931 гг., поднимающая вопросы возможности различных трактовок мученического подвига с учетом требований текущей исторической ситуации в советской России. Анализируются взгляды Г. П. Федотова, стремившегося сопоставить современную ситуацию как с опытом пережившей гонения Древней Церкви, так и с положением Русской Церкви периода монголо-татарского ига, требующим сотрудничества с иноверческой властью ради сохранения церковного института.

В аргументации защитников церковной линии митр. Сергия выделяются попытки описать «тихое мученичество» как путь, альтернативный открытому исповедничеству и предполагающий отказ от личного подвига ради церковной пользы. Рассматривается исторический контекст публикаций М. А. Каллаш. Ее позиция, высказанная по поводу действий митр. Сергия в 1931 г. в статье «О христианском максимализме», сопоставляется с более ранними попытками писательницы найти в церковной истории аналоги актуальной ситуации, изложенными в публикации 1928 г. «Подвиг св. Сергия Радонежского и дело Митрополита Сергия». Прослеживается преемственность позиции М. А. Каллаш к взглядам, высказанным в статье Н. А. Бердяева «Вопль Русской Церкви» 1927 г. Отмечается связь тезисов, высказанных И. А. Лаговским и М. А. Каллаш, с идеями о противопоставлении христианских подвижников

* Статья подготовлена в рамках проекта «Фигура мученика в контексте трансформации представлений о религиозном авторитете в русском богословии первой трети XX в.» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Фонда «Живая традиция».

CC BY-NC
© А. В. Макарова, 2026

и интеллигенции из дореволюционной статьи С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» 1909 г.
В противовес этой позиции рассматривается стремление Г. П. Федотова предложить критерий для отделения «срединного пути» спасения Церкви (ценой компромисса в отношениях с враждебной Церкви властью) от компромисса как предательства мучеников, предлагается характеристика ключевых тезисов Г. П. Федотова, высказанных в рамках описанной полемики: невозможность распространить определение «мученики» на духовенство советской России по сословному критерию и указание на опасность утраты Церковью символического мышления, выраженного в готовности оправдать отступничество от веры.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, мученичество, история Русской Церкви, история святости, митрополит Сергий (Страгородский)

Для цитирования: *Макарова А. В.* Мученичество как отказ от личного подвига: Г. П. Федотов в дискуссии о церковной политике митрополита Сергия (Страгородского) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2026. № 54. С. 34–53. https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-54-34-53; EDN GDBRLM

Поступила в редакцию 15.12.2025
Принята к публикации 29.04.2026

Anna V. Makarova

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
Moscow, Russian Federation

Martyrdom as a Renunciation of Personal Ascetic Feat: G. P. Fedotov in the Debate on the Church Policy of Metropolitan Sergius (Stragorodsky)

Abstract. This article attempts to reconstruct the evolution of G. P. Fedotov's views on the phenomenon of martyrdom within the context of the 1928–1931 debates in the émigré press concerning the assessment of the church policies of Patriarch Tikhon (Bellavin) and Metropolitan Sergius (Stragorodsky). It examines the polemic between G. P. Fedotov and his main opponents — I. A. Lagovsky and M. A. Kallash (M. Kurdiumov) — in the journals Put' (The Way) and Vestnik RSKhD (Journal of the Russian Student Christian Movement) in 1930–1931, which raised questions about the possibility of different interpretations of martyrdom in light of the demands of the contemporary historical situation in Soviet Russia. The article analyses Fedotov's views, which sought to juxtapose the modern situation both with the experience of the persecuted Early Church and with the position of the Russian Church during the Mongol-Tatar yoke, a period that required cooperation with a non-Orthodox authority for the sake of preserving the church institution.
The arguments put forth by the defenders of Metropolitan Sergius's ecclesiastical line are shown to involve attempts to describe "quiet martyrdom" as an alternative to open wit-

ness, implying a renunciation of personal ascetic feat for the Church's benefit. The historical context of M. A. Kallash's publications is considered. Her position, expressed in 1931 in the article "On Christian Maximalism" regarding the actions of Metropolitan Sergius, is compared with her earlier attempts, articulated in the 1928 publication "The Feat of St. Sergius of Radonezh and the Case of Metropolitan Sergius", to find analogies for the current situation in church history. The continuity between M. A. Kallash's stance and the views expressed in N. A. Berdyaev's 1927 article "The Cry of the Russian Church" is also traced. The connection of the theses advanced by I. A. Lagovsky and M. A. Kallash to the ideas of contrasting Christian ascetics and the intelligentsia from S. N. Bulgakov's pre-revolutionary 1909 article "Heroism and Ascetic Feat" is noted.
In opposition to this position, the article examines G. P. Fedotov's endeavour to establish a criterion for distinguishing a "middle path" of saving the Church (through compromise with a state authority hostile to the Church) from a compromise that constitutes a betrayal of the martyrs. It also offers a characterization of Fedotov's key theses articulated within this polemic: the impossibility of extending the definition of "martyrs" to the clergy of Soviet Russia on the basis of a class criterion, and the indication of the danger of the Church losing its symbolic thinking, manifested in the readiness to justify apostasy from the faith.

Keywords: G. P. Fedotov, martyrdom, history of the Russian Church, history of sainthood, Metropolitan Sergius (Stragorodsky)

For citation: Makarova A. V. Martyrdom as a Renunciation of Personal Ascetic Feat: G. P. Fedotov in the Debate on the Church Policy of Metropolitan Sergius (Stragorodsky). *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2026, no. 54, pp. 34–53. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-54-34-53

Submitted on 15 December, 2025
Accepted on 29 April, 2026

Русская церковная история до XX в. не предлагала большого разнообразия примеров мученического подвига, подтверждением чему становится и наиболее известная работа Георгия Петровича Федотова, посвященная русской святости, — «Святые Древней Руси», в которой мученичеству уделяется сравнительно мало внимания относительно иных чинов святости[1]. Самый масштабный его текст, в котором рассматривается подвиг мученичества в определенный исторический период, — работа 1928 г. «Святой Филипп, митрополит Московский». Однако исторические реалии 1920–1930-х гг. стимулировали

[1] Обращение к теме мученичества в этой работе связано с необходимостью различения «героического мученичества» и страстотерпчества на примере канонизации свв. Бориса и Глеба и анализом историй княжеской святости. См.: *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси // Его же. Собр. соч.: в 12 т. М., 1998. Т. VIII. С. 24–26, 66–70.

осмысление подвига мученичества уже не на примерах из прошлого, а в обращении к современности, и полем для дискуссий на данную тему стала публицистика. Статьи Г. П. Федотова, посвященные положению Русской Церкви на рубеже 1920–1930-х гг., помогают выявить его понимание мученичества в конкретные исторические периоды и проследить различия с трактовками других представителей религиозной мысли диаспоры. При этом исследователи церковной истории обращались к осмыслению опыта новомучеников советского периода[2] или к истории отдельных персоналий и богословских конфликтов в диаспоре[3], но попыток анализа дискуссий о современном мученичестве в богословском наследии эмиграции пока не предпринималось, потому обращение к таким публикациям представляется для историка важной задачей.

Если в одной из первых публикаций, вышедших после эмиграции автора[4], в январе 1926 г., во втором номере журнала «Путь», Федотов лишь рассуждает о мученичестве Церкви в целом и о Патриархе Тихоне как «вольной жертве»[5] за Церковь, то опубликованная спустя четыре года в «Вестнике Русского христианского студенческого движения» статья «К вопросу о положении Русской Церкви»[6] уже противопоставляет Патриарха Тихона и митр. Сергия (Страгородского) и дает толчок к дискуссии о возможности разных путей мученичества, в которой более примечательны, возможно, не аргументы Г. П. Федотова, а рассуждения его оппонентов.

Поводом для статьи Г. П. Федотова «К вопросу о положении Русской Церкви» стало появление в печати материалов пресс-конференции митр. Сергия,

---

[2] Историография по данной теме приводится в ст.: *Безшлеева Н. Ю.* Проблема новомученичества в исследованиях современных историков // Молодой учёный. 2015. № 19 (99). С. 649–652. Можно упомянуть и исследования, посвященные богословию отдельных новомучеников (*Хондзинский П. В.* Интерпретация мучеником Иоанном Поповым учения святителя Афанасия о первозданном человеке и ее истоки // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 35. С. 52–65; *Ячменик В. А.* Евхаристическая экклезиология в эпоху гонений: мученичество и Евхаристия в наследии священника Анатолия Жураковского (1897–1937) // Вопросы теологии. 2025. Т. 7, № 2. С. 189–208; и др.)

[3] Обзор биографии и публикаций Г. П. Федотова представлены в работах: *Бычков С. С.* «Свободы сеятель пустынный…»: Жизнь и труды русского мыслителя Георгия Федотова. М., 2024; *Галямичева А. А.* Научно-педагогическая, публицистическая и общественно-политическая деятельность Г. П. Федотова в годы эмиграции: 1925–1951 гг.: дисс… к. и. н. Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2008. Публицистическая деятельность Г. П. Федотова рассматривается и в ст.: *Галямичева А. А.* Издательская деятельность Г. П. Федотова в годы эмиграции // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 61–63; *Нижников С. А.* Формирование и развитие новоградской идеологии Г. П. Федотова // Соловьевские исследования. 2013. Вып. 3 (39). С. 114–128.

[4] *Бычков С. С.* «Свободы сеятель пустынный…»… С. 189–191.

[5] *Федотов Г. П.* О Русской Церкви. Письмо из России // Его же. Собр. соч.: в 12 т. Т. II. С. 12.

[6] *Федотов Г. П.* К вопросу о положении Русской Церкви // Вестник РСХД. 1930. № 10. С. 13–17; № 11. С. 10–14. Цит. по: *Федотов Г. П.* Собр. соч.: в 12 т. Т. II. С. 155–168.

отрицавшего гонения на верующих и духовенство в советской России[7]. Георгий Петрович вступается за тех, кого он видит современными мучениками, и указывает на различие между деятельностью Патриарха Тихона и митр. Сергия. Обращаясь к опыту Древней Церкви, он указывает, что мученичество никогда не бывало массовым — и в годы гонений лишь немногие могли стойко переносить страдания за веру, не проявляя слабости[8]. Но пониманием исключительности мученичества не должна оправдываться распространенная сейчас «крайняя и всеобщая терпимость по отношению к отступничеству»[9]. Вынужденное отречение от Христа теперь воспринимается как норма, оправданная особенностями времени, хотя это «вещи, которые не могут быть ничем и никогда оправданы, извинены, а только прощены, при условии раскаяния. Самая возможность их свидетельствует о глубокой деморализации, которая господствует в России, верующей и неверующей, а с другой стороны, об утрате символического сознания»[10]. Под «символическим сознанием» Г. П. Федотов здесь, видимо, имеет в виду понимание важности внешнего выражения веры в тех или иных формах и действиях, поскольку символизм для него — способ рассматривать действительность как «мир воплощенных в материи и в ней сквозящих божественных идей»[11]. Таким образом, оправдывая историческими условиями допустимость внешнего отречения, человек сводит веру к внутреннему состоянию, не требующему внешних проявлений, и допускает разрыв между «формальной» стороной религиозности и ее содержанием.

Г. П. Федотов отмечает и разницу между ситуацией в Древней Церкви и в советской России, осложняющую осмысление религиозных гонений: ведь гонители не обязательно выступают против Христа, а зачастую видят в Церкви лишь один из социальных институтов прежнего режима[12]. В то же время церковное сообщество в России не отделяет себя от народа в целом, на чем и строилась церковная политика Патриарха Тихона, отказавшегося от любых политических высказываний и выбравшего путь внешнего подчинения любой власти для сохранения церковных сил. Этот выбор Георгий Петрович соотносит с выбором Александра Невского в период татаро-монгольского ига «с его тяжелой школой унижений, внешней покорности, но внутреннего очищения, собирания духовных сил. Путь Александра Невского становится символиче-

[7] Более подробно об обстоятельствах данной пресс-конференции см.: *Кашеваров А. Н.* Размышления Г. П. Федотова о положении и перспективах Православной Церкви в послереволюционной России // Христианское чтение. 2024. № 4. С. 316–317.

[8] *Федотов Г. П.* К вопросу о положении Русской Церкви… С. 156.

[9] Там же. С. 157

[10] Там же. С. 157–158.

[11] *Федотов Г. П.* Борьба за искусство // Новый град. 1935. № 10. С. 38.

[12] *Федотов Г. П.* К вопросу о положении Русской Церкви… С. 158.

ским для Русской Церкви в годы революции. Говоря церковным языком, соображения „икономии“ берут верх над „акривией“, — по мирскому, но не совсем точно: компромисс — над радикальной принципиальностью»[13]. Иными словами, Г. П. Федотов не осуждает любой компромисс в отношениях Церкви с богоборческой властью, напротив — путь, выбранный Патриархом Тихоном, он воспринимает как срединный, на котором уступки государству позволяют сохранить духовные основы христианства. Но с этого пути сходит митр. Сергий, пытаясь «спасти внешнюю организацию Церкви хотя бы ценою приглушения духа»[14]. В результате путь икономии, выбранный Патриархом Тихоном, в линии патриарха Сергия привел к расколу в рядах иерархии. Отметим еще, что в этой статье Г. П. Федотов не осмысляет выбор церковных первоиерархов как тот или иной путь мученичества. Мучениками для него становится церковное «меньшинство», которое претерпевает гонения за веру.

В следующем номере «Вестника РСХД» появляется ответная статья редактора журнала Ивана Аркадьевича Лаговского «„Мне отмщение и Аз воздам“ (К статье Г. П. Федотова „Положение Церкви в России“)»[15]. И. А. Лаговский старается показать, что церковная политика митр. Сергия все же «есть путь верности, а не предательства»[16], и относит критикующих эту политику к религиозно-философскому течению, характеризуемому «непринятием истории»[17], «психологией эсхатологической отрешенности»[18], и схожему по настрою со старообрядчеством[19]. Противопоставлено этой эсхатологической отрешенности «подвижническое принятие всей тяжести исторической ответственности, религиозная настроенность долга соучастия в судьбах своего народа, даже до готовности быть „отлученным от Христа за братьев моих“ (Рим 9. 3)»[20]. На цитате из Послания апостола Павла к Римлянам о готовности быть отлученным от Христа за братьев И. А. Лаговский строит концепцию, которую можно назвать «мученичеством совести»: отказ от личного мученичества как сознательный выбор ради спасения ближнего.

Особенность взгляда И. А. Лаговского в том, что этот особый вид подвига он связывает с принадлежностью к духовному сословию и сословной психологией духовенства, для которого «решающее значение принадлежит не личному героическому действию, а какому-то преображению индивидуальной не-

[13] *Федотов Г. П.* К вопросу о положении Русской Церкви… С. 160.

[14] Там же. С. 163.

[15] *Лаговский И. А.* «Мне отмщение и Аз воздам» (К статье Г. П. Федотова «Положение Церкви в России») // Вестник РСХД. 1930. № 12. С. 10–18.

[16] Там же. С. 11.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 12.

заметности, микроскопичности в подвижническое несение всех последствий, связанных с принадлежностью к данной социальной форме»[21]. Действия митр. Сергия тоже можно правильно понять только в русле этой сословной психологии: его критикует интеллигенция, но не духовенство, которое вообще «чуждается психологии, требующей „героев", чуждых толпе, ведущих ее за собой»[22]. В этой критике интеллигенции за принципиальный радикализм можно увидеть развитие тезисов дореволюционной статьи С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» 1909 г., где христианскому героизму подвижничества противопоставлялся свойственный интеллигенции «героизм самообожения»[23]. Героизм интеллигенции у С. Н. Булгакова характеризовался внешним максимализмом целей и средств и непониманием исторической действительности, в то время как для христианского подвига характерна концентрация «на сознании личного долга и его исполнения»[24]. В статье И. А. Лаговского героическому радикализму противопоставляются и милосердие к погибающим ближним, и готовность вести проповедь даже в «формах и условиях»[25] богоборческого государства. Путь митр. Сергия публицист называет путем «возрастающего личного страдания»[26], возражая Г. П. Федотову, что путь этот выбран не ради сохранения «внешней организации Церкви» [27], а ради спасения духовенства.

Можно отметить и еще один тезис Г. П. Федотова, с которым спорит И. А. Лаговский: возможность применить к современной церковной ситуации представления о мучениках как избранном меньшинстве Церкви. В современной Церкви мученики все, различаются только виды мученичества: «Нужно отказаться от одной легенды, чрезвычайно популярной у нас, в эмиграции — легенды о „церкви мучеников", противопоставляемой Русской Церкви вообще. Предполагается, что есть „церковь исповедников", людей чистых, бескомпромиссных, „соловецких узников", и есть церковь, так сказать мирская, уклонившаяся от подвига исповедничества, покупающая ценою дозволительных, но не совсем безупречных компромиссов возможность относительно мирного жития. <…> Как ни эффектно, как ни утешительно в иных случаях подобное построение, оно должно быть отброшено, потому что оно в корне неверно. Вся Русская Церковь есть церковь мучеников и исповедников не в фигуральном, а в буквальном смысле слова. Различие между томящимися в Соловках и остающимися „на свободе", отправ-

[21] *Лаговский И. А.* «Мне отмщение и Аз воздам»… С. 12..

[22] Там же. С. 13.

[23] *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи: сб. ст. о рус. интеллигенции. М., 1909. С. 37.

[24] Там же. С. 48–49.

[25] *Лаговский И. А.* «Мне отмщение и Аз воздам»… С. 14.

[26] Там же. С. 15.

[27] Там же.

ляющими свою „чреду“ церковного служения, есть различие в форме, в образе исповедничества, мученичества, а не в существе. Особенно то нужно и должно сказать о новом соборном великомученике и страстотерпце русском православном духовенстве, начиная от рядового сельского иерея и кончая митрополитом Сергием»[28], — завершает статью И. А. Лаговский.

Дискуссия продолжается публикациями обоих оппонентов в № 2 «Вестника РСХД» за 1931 г. Г. П. Федотов отвечает И. А. Лаговскому в статье «Русская Церковь или духовное сословие»[29], само название которой указывает на несогласие с предложением редактора «Вестника» осмыслять «соборное» мученичество по сословному принципу. В таком подходе Федотов видит риск смешения понятий и потери их изначальных смыслов. Если приписывать мученичество всему духовному сословию, то как объяснить уклонение части духовенства в обновленчество? Мученики не противопоставляются всей Церкви, но служат духовным ориентиром для других ее членов, и «хотелось бы, чтобы церковный народ (и миряне и духовенство) имели в страшный час испытаний пастырей, которые не глушили бы их совести и не затруднили бы и без того трудного пути исповедничества. Такие пастыри, конечно, есть. Но к числу их не принадлежит митр. Сергий, и как национальный организм Русская Церковь лишена духовного оформления»[30].

Жертва ради сохранения церковной жизни может оказаться бесполезной, если придется поступиться самыми основами христианской веры, а само спасение Церкви как оправдание такого отступничества может стать соблазном, ведь неизвестно, какое испытание назначил Господь Русской Церкви: «…безумна мечта „спасать Церковь“ ценой отречения от Христа. В конце концов, мы не знаем пути, которым Бог ведет Россию. Может быть, на этом пути ее ждет полное прекращение легальной церковной жизни»[31]. Поэтому несправедливо упрекать интеллигенцию в старообрядческих настроениях и стремлении уйти в катакомбы — «Выбор дается не нами»[32], а кроме полного подчинения государству и старообрядческого раскола есть и другие пути — в том числе выбранный Патриархом Тихоном третий путь: духовной свободы в рамках аполитичности. Правда, и в выборе свт. Тихона был заложен риск, который проявился в период местоблюстительства митр. Сергия — готовность к определенным жертвам ради сохранения Церкви может переродиться в готовность к любым уступкам уже ради приобретения церковных благ и вновь обернуться поддержкой государства в обмен на лояльность ему: «Если возглавитель

[28] *Лаговский И. А.* «Мне отмщение и Аз воздам»… С. 17.

[29] *Федотов Г. П.* Русская Церковь или духовное сословие? // Вестник РСХД. 1931. № 2. С. 19–25.

[30] Там же. С. 22.

[31] Там же. С. 23.

[32] Там же.

Церкви приносит такие жертвы пред лицом власти гонителей, то каких жертв он не принесет власти благосклонной, а тем паче власти христианской, обещающей Церкви свое покровительство. Сергианское направление грозит лишить Церковь плодов ее кровавого очищения. Столь мучительно разорванные узы с государством завяжутся вновь, и притом в самой невыгодной для Церкви обстановке. Снова — политика, политиканство, полиция на месте святе; отлучения от Церкви монархистов, республиканцев, социалистов — все равно, кого; а главное — защита неправды, социальной, политической, тем более опасная и соблазнительная, что она имеет за собой вековую традицию»[33].

В ответной статье «Отвлеченно-духовная церковность»[34] И. А. Лаговский поясняет, что, говоря о мученичестве духовенства как сословия, имел в виду путь церковного служения, который в современной России так или иначе становится путем «непрерывного, ставшего формой повседневной жизни, тихого мученичества»[35]. Проливают ли мученики кровь или претерпевают иные страдания — не так принципиально, как готовность любой ценой оставаться верным истине, поэтому современные священнослужители, лишенные гражданских прав и источников доходов, поставленные «в положение людей вне всех самых минимальных благ»[36], тоже по-своему мученически свидетельствуют о Христе.

Не соглашаясь со словами Г. П. Федотова об ошибочных попытках спасения Церкви ценой отречения от Христа, И. А. Лаговский рассуждает, что церковное сообщество не ограничивается одними исповедниками, готовыми уйти от советской действительности, но включает и весь церковный народ, вынужденный существовать в условиях нового государства: принять внешние формы — не то же самое, что принять «содержание» советской реальности и цели советской власти, отрекаясь от Христа. Напротив, отречением от Христа была бы попытка «укрыться от „форм и условий“»[37] исторической действительности. Мученичеством же в данном контексте становится верность идее служения независимо от жертв, которые пришлось понести.

* * *

Вопросы, поднятые в статье «К вопросу о положении Русской Церкви», Г. П. Федотов развивает в 1931 г. в статье «Неудачная защита»[38], написанной в рамках другой полемики, связанной с запрещением митр. Сергием в служе-

[33] *Федотов Г. П.* Русская Церковь или духовное сословие? С. 23–24.

[34] *Лаговский И. А.* Отвлеченно-духовная церковность // Вестник РСХД. 1931. № 2. С. 24–30.

[35] Там же. С. 24–25.

[36] Там же.

[37] Там же. С. 28.

[38] *Федотов Г. П.* Неудачная защита // Путь. 1931. № 29. С. 68–79.

нии епископа Евлогия (Георгиевского) за участие в молитве с инославными за гонимых представителей Русской Церкви[39]. Текст, опубликованный в журнале «Путь», стал ответом на размещенную в том же номере статью участницы Братства святого Фотия в Париже[40] Марии Александровны Каллаш «О христианском максимализме»[41]. Появление этого текста имеет предысторию, которую важно учитывать, рассматривая возражения Г. П. Федотова.

О планах статьи М. А. Каллаш писала редактору журнала «Путь» Н. А. Бердяеву: «Тема вот какая: в церковном отрыве эмиграции замыкается круг внутреннего ухода от России. Столкновение двух миросозерцаний, явившееся неким экзаменом „старорежимному православию", приемлющему христианство лишь при известных условиях материально-государственных и искажающему смысл христианства, иначе говоря, требование „Божие" приспособить к „Кесареву" и соответственно его перекроить и урезать. Само собою, разумеется, никаких личностей я касаться не стану, оставлю в стороне всю фактическую сторону „распри", лишь попытаюсь уяснить ее внутренний смысл. Полемического характера статья не будет носить, да и не лежит к этому душа»[42].

Несмотря на намерение, статья вызвала негативную реакцию — так, в письме Г. В. Флоровскому от 4 января 1932 г. Н. А. Бердяев замечает, что прот. Г. Флоровский встретил статью М. А. Каллаш «слишком нервно»[43]. Сам Н. А. Бердяев признается, что тоже не одобрил статью и сократил ее на треть перед публикацией, а публикацию объясняет желанием дать кому-то возможность высказаться в защиту митр. Сергия, поскольку это невозможно в других эмигрантских изданиях. Но он упоминает и ответ Г. П. Федотова, полагая, что тот высказался против митр. Сергия слишком резко[44].

Что же содержалось в статье М. А. Каллаш, вызвавшей, вопреки намерению автора, резкую реакцию двух известных представителей богословия диаспоры? Статья действительно критично описывает представителей эмиграции: М. А. Каллаш упрекает их в утратах связей с Русской Церковью, которая

---

[39] См. прим. С. С. Бычкова: *Федотов Г. П.* Собр. соч.: в 12 т. Т. II. С. 357.

[40] Подробнее о задачах Братства святого Фотия см.: *Голубович И. В., Левченко В. Л.* Парижское богословие, Фотиево Братство и Николай Полторацкий: смыслы и символы // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 24–25.

[41] *Каллаш М.* (под псевдонимом М. Курдюмов). О христианском максимализме // Путь. 1931. № 29. С. 49–67.

[42] Письмо М. А. Каллаш — Н. А. Бердяеву о ее статье для журнала «Путь» // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 500. Л. 3–4. Автограф. Цит. по: Сайт «Хронос». URL: https://hrono.ru/dokum/193_dok/193108kallash.php (дата обращения: 12.11.2025).

[43] Н. А. Бердяев — Г. В. Флоровскому // «Очень интересуюсь Вашим мнением». Переписка Н. А. Бердяева и прот. Г. Флоровского (1923–1935) / *публ., сост., комм. Т. Резвых, Т. Оболевич.* Głogów, 2025. С. 110–111.

[44] Там же. С. 111.

ранее была для представителей диаспоры лишь частью привычного имперского быта[45]. Во время революции Церковь проявила свою силу: «…под гром пальбы восстановила Патриаршество, выбрала и венчала в разбитом орудиями Кремле своего избранника на Патриарший Престол. Она все время что-то делала и строила, как будто ни на что не взирая, не поддаваясь общей панике и растерянности, ни на минуту не отступая от своего долга»[46].

Удержаться от раскола во время гражданской войны Церкви помогла «вера в непобедимую творчески обновляющуюся и обновляющую религиозную мощь русского народа»[47], на которой основано стремление служить верующим в любых обстоятельствах, отказавшись от поиска политических свобод ради служения евангельским истинам. Этот подвиг духовенства представители эмиграции не поняли и осудили[48]. По мнению М. А. Каллаш, именно для эмиграции внешнее устроение церковной жизни оказалось важнее духовного подвига (упрек, противоположный критике митр. Сергия Г. П. Федотовым): «Для *нас* слова Павловы — только „писание", хотя и священное, почитаемая по традиции „буква", для *них* — действительная жизнь. Для *нас* Церковь в зданиях храмов, в нестесненности богослужений, церковная *свобода* наша основана исключительно на нашей „гражданской свободе", ею измеряется и ей пропорционально соответствует, не больше того. У *них* все измерения иные, вне наших осязаемых плоскостей, а потому и свобода иная, не стесняемая никакими узами, от уз не зависящая»[49].

Однако в церковной среде в России возникало разделение на сторонников и оппозицию митр. Сергия, причем этой оппозиции М. А. Каллаш, как ранее И. А. Лаговский, приписывает обострение духовной паники, соотнося ее со старообрядцами, уходившими от мира в ожидании антихриста: «Такая оценка должна была неизбежно привести к идейному противлению той церковной власти, которая, не считая историю России и мира вообще закончившейся, не считала себя в праве уходить в подполье»[50]. Позиция же церковной власти рассматривает коммунизм как следствие наших грехов, против которых «нужно бороться силой Христовой любви и правды, силой молитвы и обновляющего покаяния»[51], внешне покоряясь даже «злой власти»[52], поскольку для Церкви вопрос стоит не о правильном социальном устройстве, а о спасении души.

---

[45] *Каллаш М.* (под псевдонимом М. Курдюмов). О христианском максимализме… С. 50.

[46] Там же. С. 51.

[47] Там же.

[48] Там же. С. 52.

[49] Там же. С. 54.

[50] Там же. С. 61.

[51] Там же.

[52] Там же. С. 62.

Основной пафос текста М. А. Каллаш, в отличии от статей И. А. Лаговского, не в противопоставлении мученичества пострадавших от властей и мученичества выбравших путь компромисса для служения пастве, а в более простом противопоставлении Русской Церкви и эмиграции: если в России степени низости падения проявляются наряду с высотами подвига, то эмиграция судит о российской действительности из слишком благополучной обстановки и не готова принять новый христианский максимализм (в т. ч. и запрещение в служении епископа Евлогия).

Утверждения М. А. Каллаш, что «Церковь противопоставила максимализму материалистическому максимализм христианский»[53] отсылают к оппозиции христианства и интеллигенции из уже упоминавшейся выше статьи С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество». Однако еще заметнее этот текст соотносится со статьей Н. А. Бердяева «Вопль Русской Церкви»[54], опубликованной в 1927 г. Н. А. Бердяев рассуждал, что декларацию митр. Сергия следует воспринимать как обращение к церковному зарубежью с просьбой принести жертву для церковного сообщества в России. Н. А. Бердяев противопоставлял Церковь мучеников в России и иерархию в эмиграции, привыкшую к привилегиям в Российской империи и гражданским свободам в Европе, причем первой приписывал готовность к нравственному мученичеству ради паствы, которую не понимала вторая: «Православная Церковь в России есть Церковь мученическая, проходящая свой крестный путь до конца. Православная Церковь в эмиграции не мученическая Церковь, ее епископы не знают, что такое мученичество, они в прошлом привыкли к господствующему и привилегированному положению в государстве, а за границей живут в атмосфере свободы. Это есть заметное для всех различие в положении. Но есть другое различие, которое не все понимают. Православная Церковь в России жертвенна в совсем ином смысле и претерпевает нравственное мученичество, неведомое и часто непонятное для церковных кругов эмиграции. Православная Церковь в России в лице своих водительствующих иерархов должна совершать жертву своей видимой красотой и чистотой, она нисходит в мир, находящийся в состоянии смертного греха»[55].

В качестве примеров двух видов мученичества Н. А. Бердяев предлагал рассматривать митр. Вениамина Петроградского, чье мученичество «было явлением красоты и чистоты его человеческого образа»[56], и Патриарха Тихона, чье мученичество оказалось «более страшным и тяжелым»[57], поскольку «во имя Церкви, забыв о себе, патриарх Тихон согласился пожертвовать красотой и чи-

[53] *Каллаш М.* (под псевдонимом М. Курдюмов). О христианском максимализме… С. 64.

[54] *Бердяев Н. А.* Вопль Русской Церкви // Последние Новости (Париж). 1927. 13 сент. (№ 2365). С. 2.

[55] Там же.

[56] Там же.

[57] Там же.

стотой своего образа»[58]. Н. А. Бердяев обращался и к параллелям из древней церковной истории, которые позже использовал Г. П. Федотов: к периоду татаро-монгольского ига и фигуре Александра Невского. Но если Георгий Петрович связывал с этим образцом путь Патриарха Тихона, то Н. А. Бердяев соотносил с ним и выбор митр. Сергия: «Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но там, в России, есть еще другой героизм, другая жертвенность, которые люди не так легко оценивают. Патриарх Тихон, митрополит Сергий не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Ее принес патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергий. Некогда эту жертву принес Св. Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду»[59].

Однако, отмечая сходство взглядов Н. А. Бердяева с высказанными в более поздней статье М. А. Каллаш, нельзя не указать на то, что между 1927 и 1931 гг. церковная политика митр. Сергия не ограничивалась публикацией декларации. Другие действия митрополита (активное применение высказанных в декларации позиций к церковному управлению, перемещение архиереев на другие кафедры без соборных санкций и борьба с антиправительственными настроениями в церковной среде) могли бы повлиять на оценку декларации как просьбы о жертве и пути митр. Сергия как нравственного мученичества, но данные перемены не отразились на позиции М. А. Каллаш, продолжавшей развивать мысль Н. А. Бердяева.

В то же время статья М. А. Каллаш стала продолжением ее более ранней публикации в журнале «Путь» 1928 г. — «Подвиг св. Сергия Радонежского и дело Митрополита Сергия»[60].

В этой статье М. А. Каллаш тоже критикует русскую оппозицию за оценку церковных событий по сходству с «отвлеченными лозунгами» и программами, а не исходя из исторической ситуации[61]. Советская власть стремилась прикрыть гонения на Церковь политическими обвинениями иерархии в контрреволюции, и поэтому «митрополит Сергий почел необходимым для блага церковного разрушить советское прикрытие. Заявлением полнейшей своей лояльности от лица Патриаршей Церкви перед властью Советов, заместитель Патриаршего Ме-

[58] *Бердяев Н. А.* Вопль Русской Церкви. С. 2.

[59] Там же.

[60] *Каллаш М.* (под псевдонимом М. Курдюмов). Подвиг св. Сергия Радонежского и дело Митрополита Сергия // Путь. 1928. № 11. С. 95–112.

[61] Там же. С. 95.

столюстителя отныне поставил вопрос так, что всякое гонение против Церкви должно быть формулировано прямо и открыто, как гонение на веру»[62], что М. А. Каллаш называет действием, необходимым для сохранения Церкви в России. Она критикует обличителей митр. Сергия в эмиграции, противопоставляющих ему прп. Сергия Радонежского, свв. Филиппа Московского и Гермогена, Патриарха Московского, которые не боялись обличать врагов России и даже царскую власть. При этом М. А. Каллаш ссылается на Г. П. Федотова, издавшего в том же году в Париже монографию о митр. Филиппе Московском: «Проф. Федотов в прекрасной книге своей „Святой Филипп Митрополит Московский" — справедливо указывает на то, что Святитель укорял Царя не в отступлении от догматов, а в отступлении от правды Христовой, что Св. митрополит был мучеником не за веру, а за правду»[63]. Это не позволяет приводить митр. Филиппа в пример современным иерархам Русской Церкви, поскольку они имеют дело с откровенно безбожной властью, с которой у них нет точек соприкосновения в плане каких-либо общих религиозных представлений: «…ни почивший Патриарх Тихон, ни митрополит Сергий *обличать* безбожных властителей никак уже не могли. Тут вопрос не в отсутствии смелости, а в полном отсутствии каких-либо общих понятий, общих начал морали, просто общего языка»[64].

М. А. Каллаш тоже соотносит советскую власть с периодом владычества монголо-татар, и потому указывает на несправедливость сопоставления митр. Сергия со свт. Гермогеном и прп. Сергием Радонежским. В период кратковременной Смуты и в конце XIV в. ситуация была иной, и прозорливость святого Сергия «предугадала назревший поворот в русской национальной судьбе»[65], когда пора было благословить князя на сопротивление. До этого же полтора столетия Русская Церковь несла тяготы ига, пыталась противостоять духовному опустошению и нравственному разрушению жителей порабощенных земель и не призывала к сопротивлению, понимая его невозможность. С этим периодом М. А. Каллаш соотносит первые годы советской власти, когда «бесполезными попытками политической борьбы, если бы таковые были предприняты Церковью, вызвано было бы лишь новое зверское кровопролитие и была бы силой уничтожена та церковная организация, которая держалась и продолжает держаться при советском строе лишь помощью Божьей благодати и ценою великого подвига православного русского духовенства»[66].

И в то время как Русская Церковь занималась «духовным очищением народа», эмигранты упрекали ее, что она не призывает народ к борьбе с режимом.

[62] *Каллаш М.* (под псевдонимом М. Курдюмов). Подвиг св. Сергия Радонежского… С. 97.

[63] Там же. С. 98.

[64] Там же.

[65] Там же. С. 102.

[66] Там же. С. 107.

«Когда же Церковь, вместо политического заговора и бунта, попыталась в лице Митрополита Сергия и Патриаршего Синода вплотную подойти к вопросу о легализации и для этого выразила ту же готовность „поклониться хану", которую в свое время изъявил и св. князь-исповедник Михаил Черниговский»[67] (действие, которое М. А. Каллаш соотносит с получением ханских охранных ярлыков), эмигрантские круги ее осудили.

Казалось бы, в рассуждениях писательницы есть одно противоречие: она несколько раз подчеркивает, что во времена ордынского ига митр. Алексий занимался именно политической деятельностью, поддерживая объединительную политику московских князей (что и привело впоследствии к возможности выступить против монголо-татар), и в то же время указывает, что в настоящем Русская Церковь разумно отказывается от участия в политике. Но М. А. Каллаш пытается объяснить это различие тем, что в Церкви действует Дух Святой и потому ее «соборный разум» лучше нас понимает, как действовать в разных исторических обстоятельствах, и тем, что во времена монгольского ига требовалось спасать «тело России», чем и занимались святители, а сейчас нужно спасать «народную душу»[68]: «В нашу трагическую эпоху ломки и разрушения старой России, этому же величайшему делу отдал все, силы свои почивший Патриарх Тихон и его помощники; ныне служит этому Митрополит Сергий в качестве временно управляющего Всероссийской Церковью иерарха»[69].

Статья завершилась выводом, что нынешние руководители Русской Церкви «несут тягчайший из всех крестов, когда-либо ниспосланных России по воле Промысла»[70], и хотя не называла прямо путь митр. Сергия разновидностью мученичества, но явно это подчеркивала, соотнося его с мучеником Михаилом Черниговским[71].

Обращаясь к ответу Г. П. Федотова на статью Каллаш 1931 г.[72], можно увидеть в ней ответ и на более ранние тексты Н. А. Бердяева и М. А. Каллаш.

Георгий Петрович указывает на цель публикации М. А. Каллаш — оправдать раскол в Русской Православной Церкви Заграницей противопоставлением ее и Русской Церкви, и отмечает, что при правильности многих мыслей статьи ее горячность мешает четкой постановке вопросов и общий вывод получается несправедливым, ведь картина, противопоставляющая самодовольных

---

[67] *Каллаш М.* (под псевдонимом М. Курдюмов). Подвиг св. Сергия Радонежского… С. 108.

[68] Там же. С. 109.

[69] Там же. С. 111.

[70] Там же. С. 112

[71] Анализ корректности подобного сопоставления см.: *Мазырин А., свящ.* «Подвиг св. Сергия Радонежского и дело митрополита Сергия»: к вопросу об оправданности сопоставления // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2014. Вып. 2. С. 152–160.

[72] *Федотов Г. П.* Неудачная защита…

эмигрантов и мучеников в России, утрирована: «Достаточно спросить себя, соответствуют ли стилизованные образцы М. Курдюмова обоим церковным вождям: митр. Сергию и митр. Евлогию, чтобы почувствовать фальшь всего изображения»[73]. Г. П. Федотов упрекает М. А. Каллаш и в религиозном национализме (попытках связать праведность исключительно с русской почвой, отрыв от которой приравнивается к религиозному отступничеству).

Г. П. Федотов повторяет свою ключевую мысль о мучениках как меньшинстве в любую эпоху: в России немало отступников, и их количество всегда прямо пропорционально жестокости гонений, так как мученики во все времена составляют меньшинство: «Вот почему во время гонений нельзя искать церковной правды на стороне большинства, и тем более видеть ее воплощенной в возглавляющем это большинство иерархе»[74]. М. А. Каллаш Г. П. Федотов упрекает в католическом ходе мысли, опирающемся на представления о непогрешимости главы Церкви, и в догматической ошибке: мистический организм — Тело Церкви — нельзя соотносить с временной церковной организацией[75]. Из-за этой ошибки писательница делает ложный вывод, что признавая отступничество митр. Сергия, надо отказать в благодатности и всей Русской Церкви.

«Спасение множества душ, даже с отказом от славы мученического венца — в этом был правый путь и подвиг патриарха», — соглашается Г. П. Федотов с М. А. Каллаш, говоря о выборе Патриарха Тихона как об отказе от личного мученичества ради спасения Церкви, но подчеркивает: «Как всякий путь, он имеет свои границы. Прямолинейность на пути компромисса еще опаснее прямолинейности героической. Последовательный, т. е. дурной компромисс вел прямой дорогой к обновленчеству»[76]. Обновленчество же Г. П. Федотов описывает не как признание большевистской власти (которую признал и Патриарх Тихон), но как «оправдание меча, поднятого над мучеником»[77]: «…ценой своего отречения от мучеников, ценой признания их вины, они хотели спасти себя и — спасти Церковь! Спасать Церковь путем предательства — вот формула обновленчества. Теперь это формула митр. Сергия, который в апреле 1930 г., в эпоху вновь поднявшегося террора, заявил во всеуслышание всему миру, что в России не казнят за религиозные убеждения»[78].

Г. П. Федотов продолжает настаивать, что выбранный путь компромисса в период местоблюстительства митр. Сергия невозможно оценивать как путь мученичества, хотя «…если послушать его здешних последователей, то и рас-

[73] *Федотов Г. П.* Неудачная защита… С. 69.

[74] Там же. С. 72.

[75] Там же.

[76] Там же. С. 73.

[77] Там же.

[78] Там же. С. 73–74.

каиваться ему не в чем: обагряя руки в крови мучеников, он сияет ореолом мученической церкви — верный ученик патриарха Тихона»[79]. Георгий Петрович противопоставляет митрополита той церковной оппозиции в тюрьмах и ссылках, которой М. А. Каллаш приписывает старообрядческие эсхатологические установки, и рассуждает, что, вопреки желанию его апологетов считать митр. Сергия жертвой, которую власти заставляют действовать определенным образом, сам владыка не дал ни намека на такое оправдание: он действует, принимая на себя ответственность за свои решения как глава Церкви и оправдываясь необходимостью сохранять ее внешнюю форму.

Вновь встает вопрос, кто — эмиграция или защитники митр. Сергия — ставят на первое место церковный институт, и Г. П. Федотов относит этот упрек к митр. Сергию, чье направление «можно было бы назвать литургическим. Сохранение храмов ради литургии — великое благо. Но как невозможно ради тела и крови Христовых отречься от Христа, так невозможно ради литургии (в конце концов, ради архиерейской службы) отречься от мучеников»[80].

Не стоит, по мнению Г. П. Федотова, и искать в церковной политике митр. Сергия стремление к проповеди среди безбожников ради спасения заблудших душ: ведь митрополит своей политикой поддерживает власть, а не народные массы, что не привлечет к Церкви молодежь, которая может уважать мужество мучеников, но не путь «лжи и покорности»[81] официальной Церкви.

Георгий Петрович соглашается, что среди церковной оппозиции есть и люди с сектантским мышлением, но повторяет мысль из своего ответа И. А. Лаговскому — в Русской Церкви следует выделять не два, а три течения: «Одно, в активном противостоянии Антихристу, уходит возможно дальше от жизни и ожидает обетованного конца. Это — *часть* оппозиции митр. Сергию. Другое, дорожащее более всего сохранением культа, идет навстречу соглашению с властью, отчасти благословляя ее дело. Это обновленчество и официальный курс митр. Сергия. Третье течение, идущее путем внутренней, духовной жизни и религиозного воспитания народа — аполитичное и лояльное по отношению к власти, — живет в другой части оппозиции митр. Сергию и в огромном большинстве же собственной иерархии и паствы»[82].

Г. П. Федотов завершает статью надеждой на грядущие плоды подвига мучеников, способные вновь объединить Русскую Церковь, — но не благодаря политике митр. Сергия, а вопреки его действиям: «На земле наш удел — сомнения и блуждания. Верим только, что православные и святые связаны со всеми брать-

[79] *Федотов Г. П.* Неудачная защита… С. 74.

[80] Там же. С. 76.

[81] Там же. С. 77.

[82] Там же. С. 78.

ями узами любви и молитвы. Это дает нам надежду (неправильно говорить о вере), что плоды мученического подвига и мученического общения избранных послужат для исцеления и соединения всей на земле пребывающей Русской Церкви и всего русского народа. Не к большинству Русской Церкви и не к ее возглавлению, а к ее мистическому телу и духу влечется наша вера и наша молитва. С ней соединяемся мы в духе и истине. Ей изменить страшимся»[83].

М. А. Каллаш продолжила полемику в декабрьском номере «Пути»[84], обвинив Г. П. Федотова в «антииерархичности»[85]. В своем ответе она настаивала, что позиция митр. Сергия есть «уступка трагическому моменту русской истории»[86], в который владыка предпочел молчание и служение литургии — жалобам «на попустительство Божие» и попыткам представителей диаспоры почтить память мучеников «вставанием»[87] и обращением в Лигу Наций. Но эта публикация уже не содержала новых аргументов в вопросе о двух путях мученичества.

* * *

Подводя итоги данной полемике, следует отметить, что Г. П. Федотов, в отличие от оппонентов, постепенно уточняет свои взгляды с учетом меняющихся исторических обстоятельств: основной его посыл, заключающийся в утверждении о мученичестве как уделе меньшинства и важности отделять путь мученичества от политики компромиссов, не меняется, однако со временем он начинает жестче отделять выбор митр. Сергия от выбора Патриарха Тихона. Георгий Петрович указывает и на ошибочность оппозиции «подчинение государству или уход в сектантство», подчеркивая, что не всем мученикам свойственно сектантское мышление, и показывая возможность срединного пути — компромисса, не превращающегося в предательство жертв гонений.

Публикации Г. П. Федотова и его оппонентов очерчивают богословский вопрос: можно ли наряду с «открытым мученичеством» рассматривать «тихое мученичество» как перенесение притеснений, но не прямого насилия, и «мученичество совести» как путь личного компромисса ради церковной пользы? И где проводить границы между компромиссом как подвижничеством для спасения ближнего и компромиссом, который вредит церковному сообществу? Георгий Петрович предлагает критерий для отделения второго от первого: «предательство мучеников», т. е. отрицание или оправдание преследований верующих не может стать способом спасения Церкви.

---

[83] *Федотов Г. П.* Неудачная защита… С. 79.

[84] *Каллаш М.* (под псевдонимом М. Курдюмов). Ответ Г. П. Федотову о церковном расколе // Путь. 1931. № 29. С. 89–101.

[85] Там же. С. 94.

[86] Там же. С. 95.

[87] Там же. С. 96–97.

В данном контексте представляется особенно важным замечание Г. П. Федотова об утрате современной Церковью символического сознания. Если суть подвига мученика — своей жизнью выразить идею верности Христу, то представление о возможности мученичества как уступки в духовных вопросах (ради поддержки внешней формы церковной организации или возможности продолжения проповеди) создает риск, что формой будет подменяться суть церковной жизни.

Источники

Бердяев Н. А. Вопль Русской Церкви // Последние Новости (Париж). 1927. 13 сентября. (№ 2365). С. 2.

Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи: сб. ст. о рус. интеллигенции. М., 1909. С. 23–69.

Каллаш М. (под псевдонимом М. Курдюмов). Подвиг св. Сергия Радонежского и дело Митрополита Сергия // Путь. 1928. № 11. С. 95–112.

Каллаш М. (под псевдонимом М. Курдюмов). О христианском максимализме // Путь. 1931. № 29. С. 49–67.

Каллаш М. (под псевдонимом М. Курдюмов). Ответ Г. П. Федотову о церковном расколе // Путь. 1931. № 29. С. 89–101.

Лаговский И. А. «Мне отмщение и Аз воздам» (К статье Г. П. Федотова «Положение Церкви в России») // Вестник РСХД. 1930. № 12. С. 10–18.

Лаговский И. А. Отвлеченно-духовная церковность // Вестник РСХД. 1931. № 2. С. 24–30.

«Очень интересуюсь Вашим мнением». Переписка Н. А. Бердяева и прот. Г. Флоровского (1923–1935) / *публ., сост., комм. Т. Резвых, Т. Оболевич.* Głogów, 2025.

Федотов Г. П. Неудачная защита // Путь. 1931. № 29. С. 68–79.

Федотов Г. П. Русская Церковь или духовное сословие? // Вестник РСХД. 1931. № 2. С. 19–25.

Федотов Г. П. Борьба за искусство // Новый град. 1935. № 10. С. 29–43.

Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1998.

Литература

Бычков С. С. «Свободы сеятель пустынный…»: Жизнь и труды русского мыслителя Георгия Федотова. М., 2024.

Голубович И. В., Левченко В. Л. Парижское богословие, Фотиево Братство и Николай Полторацкий: смыслы и символы // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 20–40. https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-4-20-40; EDN JVHVQS

Кашеваров А. Н. Размышления Г. П. Федотова о положении и перспективах Православной Церкви в послереволюционной России // Христианское чтение. 2024. № 4. С. 310–319. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2024_4_310; EDN XGVJYN

Мазырин А., свящ. «Подвиг св. Сергия Радонежского и дело митрополита Сергия»: к вопросу об оправданности сопоставления // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2014. Вып. 2. С. 152–160. EDN TJEZBV

References

Bychkov S. S. *"A Sower of Freedom in the Wilderness…": The Life and Works of the Russian Thinker Georgy Fedotov*. Moscow, 2024. (In Russ.)

Golubovich I. V., Levchenko V. L. Parisian Theology, the Photian Brotherhood, and Nikolai Poltoratsky: Meanings and Symbols. *RGGU Bulletin*. *Series "Philosophy. Sociology. Art Studies"*, 2020, no. 4, pp. 20–40. https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-4-20-40 (In Russ.)

Kashevarov A. N. G. P. Fedotov's Reflections on the Situation and Prospects of the Orthodox Church in the Post-Revolutionary Russia. *Christian Reading*, 2024, no. 4, pp. 310–319. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2024_4_310 (In Russ.)

Mazyrin A. V. "The Feat of St. Sergius of Radonezh and the Case of Metropolitan Sergius": On the Question of the Justification of the Comparison. *Paleorosia. Ancient Rus' in Time, in Personages, in Ideas*, 2014, iss. 2, pp. 152–160. (In Russ.)

Информация об авторе

Макарова Анна Владимировна
кандидат теологии, старший преподаватель кафедры новых технологий в гуманитарном образовании Института дистанционного образования

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Российская Федерация, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
E-mail: makarova.av@pstgu.ru

Information about the Author

Makarova, Anna Vladimirovna
Cand. Sci. (Theology), Senior Lecturer, Department of New Technologies in Humanitarian Education, Institute of Distance Learning

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
6/1, Likhov lane., 127051 Moscow, Russian Federation
E-mail: makarova.av@pstgu.ru
https://orcid.org/0000-0002-0787-1592